

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА

"Склоняюсь я в тоске пред неизбежным..."265

"Склоняюсь я в тоске пред неизбежным..."

Вспоминая бурную театральную жизнь старой Одессы, нельзя забывать, что наш город имел также прочную славу культурного музыкального центра. Многочисленные подтверждения тому находим в серьезном специальном музыкальном журнале "Южный музыкальный вестник", выходившем в Одессе с марта 1915 по июль 1918 г. Это было единственное издание подобного рода на Юге России.

Казалось бы, сложные политические события, война и нестабильность не очень располагали к разговорам о классической музыке, но, как показало время, никакие испытания не могли заставить талантливых людей отказаться от творчества и осуществления своих замыслов.

Журнал "Южный музыкальный вестник" старался следовать задачам, которые для себя определил: "Не стремясь извлекать от издания каких либо материальных выгод, но служа искусству идеально, честно, имея в виду лишь только одно — проявление высокой культурной жизни человека...". Такая позиция, наверно, объясняется и тем, что редактором-издателем журнала был Николай Марценко, свободный художник, музыкант, хормейстер, педагог, ставший ректором Музыкальной академии.

Благодаря существованию этого источника, сохранилось много ценных сведений об истории музыкальной жизни Одессы, о процессе становления русской оперы в нашем театре, о людях, сыгравших важную роль в развитии музыкальной культуры. Здесь регулярно печатались статьи и заметки об оперных спектаклях, деятельности консерватории, которая открылась в 1913 году, сообщалось о лекциях и докладах по зарубежной и отечественной музыке, помещались рецензии на новые книги. Авторами были, помимо самого редактора, известные музыкальные критики, педагоги, композиторы. На страницах журнала обнаружилось две публикации Александра Дерибаса — о певце Палечеке и о музыкальной старине, которые были включены во вторую его книгу "Старая Одесса. Забытые страницы" (О., 2004).

В 1917 году в Одессе появилось Общество одесских музыкальных деятелей, о чем также написал журнал. Общество ставило перед собой, прежде всего, просветительские задачи, но вскоре оно стало инициатором создания нового музыкального высшего учебного заведения — первой в России Музыкальной академии (открыта в сентябре 1917 года по адресу: ул. Новосельская, 92). Поскольку ректором ее был избран Н. Марценко, журнал, конечно, взял на себя функции печатного органа академии. Новое учебное заведение за короткий срок успело сделать много интересного. В эти же годы в Одессе появилось Еврейское музыкальное общество. К сожалению, все эти начинания оказались недолговечными, и следы их теряются в потоке драматических событий последующих лет.

Не мог журнал пройти мимо такого модного тогда явления, как вечера мелодекламации, мелопоэзии. Для этого специально писались стихи, которые читали в со-

**ЮЖНЫЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ВЕСТНИКЪ**

№ 7-8.
Годъ издания 2-й.

1916

Цѣна 20 к.

**ЮЖНЫЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ВЕСТНИКЪ**

№ 11-12.
Годъ издания 2-й.

1916

Цѣна 30 к.

провожении фортепиано или камерного ансамбля. Они пестрели мелодраматическими душераздирающими строками, как, например: "Разбрызгав кровь закатного вина..." или "Меня измучила, обволокла хандра / Какой-то сетью дум, навязчивых и липких...".

Среди авторов стихов для мелодекламации чаще других замечен был Петр Сторицын, однажды мелькнули строки Э. Багрицкого и Г. Цагарели. Зная активность натуры Сторицына и его меценатские наклонности, можно рискнуть предположить, что именно он привел своих друзей в "Южный музыкальный вестник". Нельзя исключать и возможность его финансовой поддержки издания. На эту мысль наталкивает неоднократная реклама знаменитых одесских поэтических альманахов, большинство из которых, как известно, вышли при "спонсорской" помощи Сторицына. Во всяком случае, в журнале появилась развернутая положительная рецензия на альманах "Авто в облаках", хотя в других журналах и газетах печатались более критические отзывы на опусы молодых поэтов. Приятной неожиданностью было найти в одном из номеров журнала за 1916 год публикацию иронического стихотворения Анатолия Фиолетова "Евгений Онегин".

Журнал "Южный музыкальный вестник" — не только пример серьезного профессионального издания, но и богатейший источник информации для современ-

ных исследователей по самым разным вопросам истории культурной жизни Одессы.

Татьяна ЩУРОВА

ОДЕССКАЯ ОПЕРА.

Признаюсь, я не безъ страха взялся за перо. О Городскомъ театрѣ такъ много писали, что, пожалуй, я ничего новаго не скажу. Я и не претендую на открытіе второй Америки. Къ тому-же, моя задача болѣе скромная, но, тѣмъ на менѣе, трудная. Трудность эта заключается въ томъ, что въ послѣдніе годы въ дѣлахъ Гор. театра много непонятнаго, пожалуй, даже таинственнаго. Мракъ окуталъ его.

Отличительной чертой истекшаго опернаго сезона является его матеріальный успѣхъ. Говорю о матеріальномъ, а не о художественномъ успѣхѣ, ибо художественная сторона въ минувшемъ сезонѣ хромала такъ, какъ, можетъ быть, не хромала никогда.

Гор. театръ держитъ въ карантинѣ оперу и съ особою настойчивостью пропагандируетъ оперетту со всѣми ея атрибутами. Я не склоненъ читать мораль о значеніи театра, о его призваніи служить развитію музыкальныхъ вкусовъ или выяснять воспитательное значеніе театра, но полагаю, что не должна доминировать въ Гор. театрѣ оперетта "Наконецъ одни" надъ "Борисомъ Годуновымъ", или "Веселая вдова" надъ "Дѣвушкой Запада".

Но, какъ мы видѣли, именно это и случилось.

Какъ это произошло? А вотъ какъ.

Два года тому назадъ, по взаимному соглашенію гг. Багрова и Сибирякова, театръ перешелъ къ послѣднему. Съ присущей г. Сибирякову энергіей, новый антрепренеръ приступилъ къ организациі сложнаго дѣла. Г. Сибиряковъ заявилъ представителямъ печати, что его программа — познакомить одесситовъ съ лучшими оперными произведеніями въ образцовомъ исполненіи. Далѣе, г. Сибиряковъ добавилъ, что прежде всего онъ приступитъ къ составленію репертуара и, сообразно немѣнному репертуару, имъ будетъ составлена труппа. Все это, къ сожаленію, продолжалось недолго.

Вслѣдствіе нынешнихъ событій оперное дѣло было поставлено въ исключительныя условия и художникъ-антрепренеръ уступить мѣсто антрепренеру-дѣльцу.

Г. Сибиряковъ прежде всего художникъ. Говорю это на основаніи опыта. Мнѣ приходилось наблюдать его на репетиціяхъ "Четырехъ деспотовъ". Надо было видѣть, съ какой любовью онъ отнесся къ этой оперѣ, которую онъ ставилъ, какъ вникалъ онъ во всѣ детали какъ со стороны сценической, такъ и музыкальной. Эта работа совершенно захватила его. И такой

Ю. Закревскій въ партіи донъ Хозе ("Кармень").

любящій искусство антрепренеръ впаль въ безсистемность. Безсистемность полная. Вотъ факты. Объявляется репертуаръ. На второй, много на третій день ставятъ совершенно другую оперу. Дирижерамъ даютъ списокъ оперъ для разучиванія. Это, конечно, еще не значить, что эти оперы дѣйствительно увидятъ свѣтъ рампы. Чаще всего наблюдается совершенно обратное. Безсистемность и растерянность вездѣ и во всемъ, особенно при назначеніи партій артистамъ.

Нельзя, конечно, обойти молчаніемъ нѣсколько прекрасныхъ постановокъ, какъ "Дѣвушка запада", "Четыре деспота", "Борисъ Годуновъ" и др., но какъ ясные, теплые лучи, проникшіе сквозь осеннія грозовыя тучи, онѣ не могли ни освѣтить, ни согрѣть душу истиннаго любителя музыки.

Надъ театромъ нависли черныя тучи.

Маленькій.

Въ октябрѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе сценической дѣятельности Ф. И. Шалыгина. Шалыгинъ знаменуетъ собою наступленіе новой эры въ оперномъ искусствѣ.

СТАРЫЙ ВОПРОСЪ О ЮНЫХЪ АРТИСТАХЪ.

(Случайныя замѣтки).

НИКОЛО ПАГАНИНИ.

Гастролі вундеркинда-дирижера Толли Фистулари снова ставятъ на очередь вопросъ о вундеркиндахъ вообще и о вундеркиндахъ-дирижерахъ въ частности.

О непедagogичности публичныхъ выступленій вундеркиндовъ, если это дѣйствительно дѣти, а не чуть-ли не восемнадцатилѣтніе "кинды" въ коротенькихъ штанчикахъ — говорить, намъ кажется, теперь уже не приходится. Кто-же сознательно захочетъ стучаться въ открытую дверь? Намъ интересуется другая сторона вопроса. Возможно-ли получить законченное музыкальное образованіе къ семи-восьмилѣтнему возрасту, — а таковъ именно возрастъ недавняго одесскаго гастролера? Конечно, на этотъ вопросъ можетъ быть лишь отрицательный отвѣтъ, ибо полученіе музыкальнаго, какъ и всякаго вообще, образованія возможно лишь при сознательномъ отношеніи ученика къ дѣлу. О какой-же сознательности можно говорить

у двух или трехлѣтняго ребенка? Да еще сомнительно, возможно-ли измѣрять продолжительность законченнаго музыкальнаго образованія пятью или четырьмя годами. А никакихъ, думается, не можетъ быть споровъ о томъ, что дирижеръ долженъ быть законченнымъ музыкантомъ. Дирижеръ долженъ быть знакомъ вѣдь не съ однимъ инструментомъ, какъ виртуозъ-музыкантъ, а со всею совокупностью ихъ, составляющихъ симфоническій оркестръ (Толли Фистуляри дирижировали именно такимъ оркестромъ). Затѣмъ, дирижеръ долженъ знать не отдѣльную партію, а всю партитуру исполняемаго произведенія. Далѣе, отношеніе къ партитурѣ должно быть — объ этомъ какъ-то даже, въ виду очевидной ясности, и говорить неудобно — сознательнымъ, а не механическимъ, ибо правъ Б.К. Яновскій, когда говоритъ, что дирижированіе заключается не въ простомъ помахиваніи дирижерской

палочкой. Ничего этого нѣтъ, да и не можетъ быть у семи-восьмилѣтняго ребенка. Упомянутый нами высокоавторитетный и глубокоуважаемый критикъ прямо и заявляетъ, что музыкальное образованіе Толли Фистуляри еще не закончено. Б.К. Яновскій говоритъ, что дирижированіе Толли Фистуляри не можетъ быть названо механическимъ, а является вполне сознательнымъ и обнаруживающимъ подробное знаніе произведенія. И въ доказательство приводитъ опыты, производившіеся музыкантами для испытанія дирижера. Воля ваша, но здѣсь нѣтъ доказательства сознательнаго отношенія къ партитурѣ, здѣсь лишь полное торжество памяти, дѣйствительно незаурядной.

Да простить меня многоуважаемый критикъ, но въ его слѣдующихъ словахъ невольно чувствуется, что онъ также смотритъ на Толли Фистуляри лишь какъ на талант-

М. А. Балакиревъ,

ливаго ребенка, который въ будущемъ и только въ будущемъ можетъ занять почетное мѣсто въ музыкальномъ мѣрѣ: "...Толли нюансируетъ, видимо чувствуя музыку, проявляетъ темпераментъ, однимъ словомъ, видны задатки художественнаго характера".

— Позвольте, могутъ мнѣ сказать, вы требуете отъ ребенка невозможнаго, вы хотите, чтобы онъ зналъ, понималъ и чувствовала то же и такъ же, какъ и взрослый человекъ, но онъ по самой природѣ своей не можетъ этого дать. — Да, но объ этомъ я только и говорю, только это и стремлюсь показать.

Въ случаѣ признанія вѣрности моихъ замѣчаній естественнымъ является вопросъ — какой же смыслъ подобнаго дирижерскаго выступленія (повторяю, я здѣсь говорю исключительно съ музыкальной точки зрѣнія)? Ребенокъ-дирижеръ ничего не вносить, да и не можетъ внести своего въ исполняемое произведение, а лишь показываетъ то, чему его выучили и чего онъ достигъ почти исключительно благодаря памяти. Слѣдовательно, — будемъ откровенны — мѣсто такому выступленію не въ серьезномъ симфоническомъ концертѣ и даже вообще не въ чисто музыкальномъ, т. е. преслѣдующімъ только

ЖОРЖЪ БИЗЕ.

музыкальныя цѣли, концертѣ, а гдѣ-либо, на-примѣръ, въ институтѣ экспериментальной психологіи, что-ли. И такое выступленіе является событіемъ, конечно, не музыкальнымъ а какимъ-либо инымъ. Здѣсь ликуеть не музыка, а память, которая и въ такомъ юномъ возрастѣ можетъ, оказывается, достигать столь высокой степени совершенства и проявляться такъ ярко.

Кудяръ.

Россійское Музыкальное Издательство
МОСКВА. ПЕТРОГРАДЪ.

РАХМАНИНОВЪ
"ВСЕНОЩНОЕ БДѢНІЕ"
ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ
— ПАРТИТУРА 3 руб. —
Вскорѣ выйдетъ „ВОНАЛИЗЪ“ Рахманинова

МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Проф. Василій Андреевичъ Орловъ
(къ тридцатипятилѣтію его дѣятельности въ И. Р. М. О.)

На тускломъ горизонтѣ общественно-культурномъ чаяніи Одессы весьма рѣдко появляются свѣтлыя звѣзды, озаряющія своимъ сіяніемъ мракъ ночи. Но еще рѣже такія звезды появляются въ нашей идейно-музыкальной жизни.

Несмотря на то, что Одесса изстари стяжала себѣ славу культурнаго музыкальнаго центра для всего юга Россіи, ея музыкальная работа была бы весьма ограничена, если бы, вдругъ, изъ нашего прошлаго вычеркнуть имя Василя Андреевича Орлова.

Все, что имѣемъ мы музыкальнаго въ настоящее время, почти все есть дѣло рукъ В.А. Орлова.

Историческая лѣтопись нынѣшней одесской консерваторіи могла бы краснорѣчивѣе всякихъ словъ подтвердить нашу мысль, ибо еще такъ недавно этой консерваторіи здѣсь не было, а было лишь музыкальное училище И. Р. М. О. И вотъ, ровно тридцать пять лѣтъ тому назадъ проф. В.А. Орловъ вступаетъ въ составъ дирекціи нашего училища. Страшное это было и ответственное время!

Училище ютилось гдѣ-то по частнымъ, наемнымъ квартирамъ, изнемогая отъ долговъ и ежечасно грозя покончить самоубійствомъ... Однако, благодаря неустаннымъ заботамъ В. А-ча, оно, это скромное убѣжище великихъ тѣней Бетховена, Баха, Рубинштейновъ и "мочей кучки", не угасло.

Его работа закипѣла и Одесса въ многолѣтнемъ рядѣ своихъ симфоническихъ и камерныхъ собраній воспитала не одно поколѣніе своихъ музыкальныхъ сыновъ.

Но вотъ девятнадцатый вѣкъ уходитъ изъ хроники общественной жизни...

Тогда какъ бы вновь возрождается творческій духъ нашего юбиляра (въ качествѣ Председателя О. О. И. Р. М. О.) и мы видимъ музыкальное училище уже въ собственныхъ стѣнахъ, съ громадной и коренной реформой ея внутренняго строя.

Городской театр.

Прошелъ мѣсяць со дня открытія опернаго сезона въ городскомъ театрѣ — время воплотить достаточное для правильной оцѣнки работы, положенной въ основу организации цѣлага ряда спектаклей. Предыдущій сезонъ, оставившій по себѣ свойственное впечатлѣніе вслѣдствіе одновременнаго существованія оперетты и оперы сыгралъ не малую роль въ самоопредѣленіи театра, а также въ осуществленіи антрепризой намѣченнаго плана дѣйствій. Опытъ прошлаго какъ будто не прошелъ безслѣдно. Съ ликвидацией опереточнаго засылія для самихъ руководителей явилась возможность подчинить работу определенному плану и сосредоточить исключительное вниманіе на постановкѣ оперныхъ спектаклей, а отсюда на чисто художественной сторонѣ дѣла.

А.И. Гомбергъ, антрепренеръ Одесскаго Городскаго Театра.

Такимъ образомъ можно говорить съ увѣренностью, что городской театр съ легкой руки г. Гомберга, взявшаго подъ свою опеку оперу, сталъ на путь правильного самоопредѣленія и сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ направленіи продуктивной, художественной дѣятельности.

Вышла въ свѣтъ и продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ **КНИГА**

АВТО ВЪ ОБЛАКАХЪ

Цѣна 1 рубль.

Слова Э. Вагнеринга, П. Вобовича, И. Воскресенской, П. Стрельцова, С. Трофимовъ, А. Философа, Г. Царкина, В. Шершеневича. Музыка и обложка работы С. Фазинина.

МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
ТОМСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ
Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества
ЭКСТРЕННО ТРЕБУЕТСЯ
преподаватель по классу ВІОЛОНЧЕЛИ.
Условія 1200 рублей въ годъ, не свыше 15 часовъ; за сверхпомесячныхъ до-авночная плата. Кромѣ того требуется участіе въ концертахъ и концертныхъ посещеніяхъ. Буденій не болѣе 7-8 разъ въ годъ. Почтовые расходы и дорожныя по второму классу возвращаются при подписаніи договора на мѣсяцъ службы.
Заявленія съ указаніемъ прежней дѣятельности адресовать: ТОМСКЪ, Музыкальное Училище Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.

Съ 1-го Іюня по 15-е Іюль

Лѣтніе Регентско-Учительскіе Курсы

Программа и условія высылаются бесплатно.
№ 92 ГОЛОВЕСЕЛЬСКАЯ, 92.

Піанистѣ — б. Директоръ Александръ Музыкальн. школы

ЛЕВЪ ШТЕРНЪ

— ДАЕТЪ УРОКИ. —
Дербасовская улица, № 13. Телефонъ 66-85.

Опытный преподаватель
съ многолѣтн. опытомъ преподаванія музыки

ОСЕРИШКОВЪ

— о — Колонтаевская № 36. — о —

Инига своб. худ. М. Ф. МАРЦЕНКО.
П. И. ЧАЙКОВСКІЙ въ нашей церковной музыкѣ
Музыкально-критическій обзоръ. Цѣна 25 м.
Складъ издаваній: Одесса, Пассажъ, у д. Зооферра

Уроки музыки

дастъ консерваторія старшаго курса, а также преподаватель иппазы. Ул. Ковалевская, 21, к. 22.

Профессоръ

Дмитрій Дмитріевичъ КЛИМОВЪ

— дасть уроки ФОРТЕПИАНО. —
Пріемъ отъ 11—1 ч. и отъ 4—5 час. Адресъ: Вазарія № 23.

Уроки цѣвнія
дасть Свобод. худож. учен. извѣст. профес. Мазотти

Я. С. Москвинъ

Новосельская, № 92, к. 2. Пріемъ отъ 11 до 1 и отъ 4—5 ч.

Скрипачъ-учитель
своѣмъ художиникъ **ТРЕБУЕТСЯ** въ Музыкальн. Училищѣ Императорскаго Отд. Им. Русск. Музыкальн. Общества
Адресъ: М. Изгородь, Прованская, д. В. Ю. Вазарю.

МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Графъ М. М. Толстой.

(къ полулѣтнему юбилею его жизни и дѣятельности.)

Среди выдающихся идейныхъ культураторовъ нашего края и среди лучшихъ борцовъ на поприщѣ культуры и знанія въ Одессѣ, едва-ли не первымъ и самымъ виднымъ меценатомъ и дѣятелемъ нашихъ дней нужно признать графа М.М. Толстого. Съ широкимъ и всеобъемлющимъ масштабомъ ума, съ горячимъ и трогательнымъ — отзывчивымъ сердцемъ, скромный и незамѣтный въ своей безкорыстно-самоотверженной работѣ, онъ особенно за послѣдніе десятилетия отразилъ мощное и всеохватывающее вліяніе положительно на всѣхъ отрасляхъ южно-русскаго просвѣщенія, какъ въ Одессѣ, такъ и далеко за предѣлами ея.

Но помимо общаго характера безконечной по широтѣ и объему высокопродуктивной благотворительной дѣятельности своей для нуждающихся массъ народныхъ, съ европейски оборудованною, напр., "скорою медицинскою помощью", фабрично-заводской больницею Краснаго Креста, обществомъ нуждающихся въ народныхъ училищахъ г. Одессы, гдѣ М. М. уже многіе годы состоитъ энергичнымъ и неутомимымъ руководителемъ и предсѣдателемъ, цѣлымъ рядомъ лазаретовъ его имени, открытыхъ по обстоятельствамъ военнаго времени на собственные средства и по личной инициативѣ графа, одесской городской публичной библіотекой, въ коей онъ также уже многіе годы состоитъ дѣятельнымъ попечителемъ и благотворителемъ и многихъ другихъ учреждений и культурно-просвѣтительныхъ организацій нашего города, — помимо всего этого, — заслуги графа М. М. Толстого особенно велики къ необъятны на почвѣ безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія его родной отечественной наукѣ и искусству.

Въ этомъ отношеніи графъ М.М. Толстой, невольнo напоминаетъ дѣятельность извѣстныхъ московскихъ благотворителей покойнаго Саввы Морозова, генерала Шенявскаго, Ляпина и многихъ др., съ тою лишь разницею, что послѣдніе жертвовали, главнымъ образомъ, на просвѣтительные учреждения, въ то время, какъ первый откликается прежде всего на нужды непосредственно учащейся молодежи.

Одесская Консерваторія и Художественное училище изящныхъ искусствъ могли-бы многое сообщить по данному поводу, не говоря уже о нашемъ Новороссійскомъ университетѣ и другихъ общеобразовательныхъ школахъ.

Даже юные одесские Регентские Курсы и тѣ, не смотря на сравнительно малочисленный комплект учащихся, видѣли въ своихъ стѣнахъ питомцевъ и пенсионеровъ графа.

Такимъ образомъ, можно сказать съ полной увѣренностью, что нѣтъ ни одной школы въ Одессѣ, которая такъ или иначе не почувствовала-бы добраго генія широкой просвѣтительной работы щедраго одесскаго благотворителя...

Конечно, исторія культурной жизни нашего края не преминетъ объ этомъ въ ближайшемъ будущемъ внести золотыми буквами дорогое имя графа М.М. Толстого на свои страницы.

Но намъ лично хотѣлось-бы, чтобы русское музыкальное общество, для котораго такъ много потрудился своими безконечными пожертвованіями графъ М.М. Толстой, лучше бы помнило о выдающихся заслугахъ русскаго общественнаго благотворителя и такъ или иначе обнаружило бы свою признательность и вниманіе воспитателю цѣлаго ряда своихъ питомцевъ. Это — долгъ нашей Консерваторіи, какъ и долгъ прочихъ учебно-просвѣтительныхъ учрежденій Одессы.

Т. Ант.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Стихотвореніе Анатолія Фіолетова.

За тягучею и сладкой увертюрой
Я глядѣлъ на подозрительныхъ старушекъ
Съ сохранившейся, до странности, фигурой,
Съ модной обувью совсѣмъ не старыхъ ножекъ.

Ленскій ревностно хранилъ "en face" печальный
А Онѣгинъ явно билъ на благородство,
Но въ теченіе семи картинъ, фатально,
Все жъ не выказалъ надъ міромъ превосходства.

Скрипка плакала въ отчаяньи прелестномъ
Предъ дуэлью даже искреннѣй поэта,
Но тончайшій срокъ разрушилъ неумѣстно
Слишкомъ розовый, безвкусный блескъ разсвѣта.

Въ третьемъ дѣйствіи Онѣгинъ въ томной позѣ
Афишировалъ, на бись, любовь къ Татьянѣ,
Но не вѣрилось, что можетъ онъ серьезно
Баритономъ пѣть о страсти и страданьѣ...

Такъ коверкали Онѣгина актеры.
И за Пушкина мнѣ стало вдругъ обидно,
Захотѣлось закричать съ блестящимъ взоромъ:
"Молодые люди, стыдно, очень стыдно —

Изуродованъ непонятый и жалкій
Академикъ А.С. Пушкинъ неповинно... —
Вѣдь извѣстно, что Татьяна не русалка,
Ну, а Ольга ужъ отнюдь не балерина!.."

ПРОФЕССУРА
МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ.

К.А. Гавриловъ

Н.Ф. Марценко

Пианистка
Е.З. Юкельсонъ

Художественный Совѣтъ первой въ Россіи Музыкальной Академии.

Слѣва на право сидятъ: проф. К.А. Гавриловъ,
Е.З. Юкельсонъ, А.А. Гижицкая, А.В. Теодори и Е.А. Гавсѣвичъ. Слѣва на право стоять: проф. А.А. Вальцъ,
Н.Ф. Марценко, А.К. Синицынъ и В.П. Гуторъ

АВТО ВЪ ОБЛАКАХЪ.

Эдуардъ Багрицкій, Исидоръ Бобовичъ, Нина Воскресенская, Петръ Сторицынъ, Сергій Третьяковъ,
Анатолій Фиолетовъ, Георгій Цагорелли, Вадимъ Шершеневичъ.
Стихи.

Обложки и рисунки работы С. Фазини, 1915, Одесса.

За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ какъ-то вдругъ на нашихъ глазахъ измѣнилась до неузнаваемости человѣческая жизнь. Еще внѣшнимъ образомъ все казалось прежнимъ, а ужъ перестроились всѣ воспріятія въ глубинѣ, въ корнѣ. Короче сказать, измѣнился ритмъ воспріятія, а это неизбежно повлекло за собой и совершенно новый темпъ жизни. Такъ сдвинутый съ мѣста паровозъ тащить за собой безконечную цѣпь грузныхъ вагоновъ. Словно кто-то шепнулъ въ ухо дремлющей волѣ человѣчества: что дѣлаешь дѣлай скорѣй!" И новая вѣсть о нагрянувшей радости-ли, ужасѣ-ли несказаннымъ трепетомъ наполнила сердца. "Миръ обогатился новой красотой: красотой скорости!" Провозгласилъ основоположникъ Итальянскаго футуризма. Онъ же, а съ нимъ многіе другіе, можетъ быть втайнѣ всѣ поголовно, — разсуждали, мечтали: а въ чемъ и винить окончательно эту новорожденную красоту скорости, если не въ такомъ огромномъ и рѣшительномъ дѣлѣ, какъ всемирная война? И война началась.

Еще всѣ помнятъ съ какой ненасытной жадностью бросились "воспѣвать" ее поэты. По слову З. Гиппіусъ

"Накинулись, какъ звѣри:
Война! война! война!"

Во всевозможныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, посвященныхъ войнѣ, не было самаго главнаго: пульсациі современной войны. Не столько вѣдь техникой, сколько психикой отлична эта война отъ всѣхъ своихъ предшественницъ. Нѣчто новое, что дѣйствительно дала, или даетъ она, не можетъ быть раскрыто художниками слова прежде нежели будутъ или уловлены особенности психическаго ритма массоваго участника этой войны.

Каковы же особенности?

Дождь строчить по стеклу, непонятныя кляузы
Поть солдатъ распинаетъ утробы лачугъ
Пальбу дырявятъ добрыя паузы
Ночь по топямъ шагаетъ какъ умный битюгъ
Маленькая смерть, раскинувши плечики
Ходить цѣлуетъ грустныхъ мужчинъ
Полночь брызнула когти, тихоходы развѣдчики
Мелодичными каплями, вереницей кончинъ
Подъ тулушами бредится: Богородица, вывези
Тѣнь свѣчная летаетъ отъ дверей до стола

Кони часто дрожать на привязи
Хихикают удила.
На бинтѣ раздавили красную смородину
Плачетъ кожа отъ шапки до пятъ
Часовой вспоминаетъ родину.
Спать.

(С. Третьяковъ).

Спать. Вотъ самый типичный моментъ.
Это вродѣ Тургеневскаго: "спитъ тотъ кто
бьетъ и тотъ, кого колотятъ". Что такое война
въ переживаніи современника: Поэтъ
отвѣчаетъ: Война? Что-то очень медленное,
какъ битюгъ, тихоходное, методичное ни-
сколько не страшное (чего бояться, ужъ не "маленькой"-ли смерти?) и сонное, сонное! На-
ши предки не успѣвали такъ много передумать и даже соскучиться успѣть въ промежутки
отъ одного выстрѣла орудія до другого. Они поэтому не могли замѣтить, какъ пальбу дыря-
вать добрыя паузы, слишкомъ добрыя! Гдѣ-же "красота скорости"? Можетъ быть въ любовой
встрѣчѣ, въ штыковомъ ударѣ? Для предковъ, навѣрное. А для насъ?

Взмахъ рукъ
Вдругъ.
Скачокъ неуклюжій,
Зьякъ сабли
Ляснула тысяча ружей.
Рванулись шинели
Подъ благовѣсть звонкой шрапнели
Тонетъ. Суконный потопъ.
По блеску, крику, знаку
Въ атаку!
Сердце костежь! Въ атаку! Упрямо.
Въ атаку. Все ближе! Въ атаку
Лобъ расколетъ... Мама!
Къ ружейному звяку
Рвота пушекъ.
Въ глину. Скользя на штыки.
Тѣломъ на тѣло, ладонь въ красное
Ликованье послѣднее страстное

Звонкое, цѣпкое, липкое.
Злоба каплетъ съ штыка
Подъ сонніе шибкое
Подъ пудовый ударъ кулака...
Отходили упорствуя,
Кусались, клубились въ кустарникѣ
Стала теплою глина черствая
Какъ хлѣбъ изъ пекарни
Тепловатымъ причастьемъ насытили
Отощавшій желудокъ полей
И спять каменья
На шершавой ладони земли
Залегли
Побѣдители.

(С. Третьяковъ).

Залегли" — перевѣсило "побѣдители" и оттянуло на себя весь музыкальный смысловый ударъ. Залегли, окаменѣли, спять. И самая побѣда какъ во снѣ. Сонніе въ шибкости вотъ и вся атака. Какъ должень былъ отощать желудокъ полей, чтобы насыщаться такимъ тепловатымъ причастьемъ. Что-то тяжелое, дремотное, досознательное въ этомъ топотѣ, суконномъ потопѣ. Рекордъ быстроты, какая намъ нужна, войною не побить. Что же сказать хотя о темпѣ жизни большого города? Давно ли насъ раздражалъ лягъ улицы, вниманіе не поспѣвало за оглушительнымъ потокомъ ея шумовъ и гуловъ? А теперь приходится "сметать съ улицы сплинъ".

"Въ этомъ узенькими сквозь гредни смѣха...
Знаки стремящихся небоскребовъ — это гулкое эхо
Міра шагающаго куда-то наугадъ.

(Шершеневичъ).

Только это — запоздалый отзвукъ. Такъ быстро зашагаль міръ въ воображеніи поэта. А автомобиль? Еще вчера онъ казался "чудовищемъ": — Страшнѣе кошки звѣря нѣтъ, а сегодня оказался именно кошкой да еще съ придавленнымъ хвостомъ.

"И автомобили, какъ коты придавленными хвостами,
Ненстово визжать: ахъ мяу, мяу!.."

(Н. Воскресенская).

Удивительно мѣткій, Дерibasовская ночью, образъ. Его не забудешь. Какъ однако измѣнился у насъ взглядъ, слухъ. Изъ идущаго вышло ядомое. Давящее оказалось придавленнымъ, правда, пока только, чуть чуть только съ хвоста, но и это хорошо.

Сказаннымъ очерчено самое цѣнное, что даетъ сборникъ "Авто въ облакахъ". Всѣ его участники добросовѣстно ищутъ новой красоты; то не значить: всегда находятъ ее.

Одни (как Багрицкий и Бобовичъ) много работаютъ надъ шлифовкой образовъ, ихъ влечетъ красочность стиха, другіе (какъ Сторицынъ и Цагорелли) отдаются журчащимъ мелодіямъ звуковъ.

Пройдя рубинные подмостки
Она плыветъ едва живя
Роняя золотыя блестяки
Изъ шелкового рукава.
И мы встрѣвоженные дѣти
Какъ тѣни робкія летимъ
Въ ея серебряныя сѣти
Поспѣвшіе сквозь звѣздный дымъ.

(Цагорелли). "Ночь".

Главное, что всѣмъ имъ (за небольшимъ исключеніемъ) должно быть поставлено въ упрекъ стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ заданіемъ сборника, хотя изъ него и не вытекаетъ съ необходимостью.

"Авто въ облакахъ", безъ ошибки въдь мысль заглавія можно расшифровать двумя словами: "современность въ поэзіи". Задача достойная всяческаго вниманія — объ этомъ нѣтъ нужды послѣ всего сказаннаго распространяться. Какъ же подходить къ ней поэты, имѣвшіе до сихъ поръ дѣло съ темами болѣе мечтательно-лирическаго или экзотическаго характера? (см. "Шелковые фонари", "Серебр. трубы").

Раскрываемъ книгу. На первой страницѣ рѣчь идетъ о Суворовѣ. Какъ будто не очень современная тема. Но это — "Суворовъ учебниковъ и книжекъ" — это Суворовъ и его Эпоха на взглядъ современника, — Суворовъ въ будни.

"Въ грязныхъ окнахъ подымались зеленія шторы"

Эта обстановка. А вотъ человѣкъ:

"Въ сморщенныхъ ухахъ желтѣли грязныя ватки"

Грязь! Вотъ чѣмъ на 18-ый вѣкъ наводится лакъ современности. Въ другомъ стихотвореніи того же поэта, говорится про

"Грязную мостовую, залитую нечистотами".

Другой поэтъ, не довольствуясь мостовой, мететъ грязью небо и воду

"На грязномъ небѣ выбиты лучами

Зеленія буквы "шоколадъ и какао"

"Разжирѣвшіе мопсы".

У грязнаго фонтана захотѣли пить.

Третій снова восклицаетъ:

"Гляньте на мостовую, какъ тамъ грязно и склизко".

У четвертаго:

Зажжется газовый фонарь

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ и ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

ЧУДО ВЪ ПУСТЫНѢ.

СТИХИ: Эдуарда Багрицкаго, Исидра Бобовича, Владиміра Маяковскаго, Петра Сторицына, Сергія Третьякова, Анатолия Филозова, Георгія Цагорелли, Вадима Шериневича.

Обложка работы С. Фазина. цѣна 2 ррб.

Выяснить можно непосредственно изъ склада изданія "ЧУДО ВЪ ПУСТЫНѢ", Васса, Герасовская 64, кв. 8. Наполеоновскіе платочки цѣна 2 р. 00 к.

Готовится къ печати книга **Аметистовыя зори** Стихи. Обложка и рисунки работы С. Фазина. 1-0

Подъ грязно-сѣрымъ лбомъ кіоска.

Пятый увѣряетъ:

Это ничего, что гранить грязнѣе громкаго бакарра.

Не хватило бы мѣста перечислить всѣ существительныя и прилагательныя аналогичныя "грязи" и "грязному". "Міазмы", зловонныя язвы, гноетечныя срупья, надоѣдливыя вши и т. п. и т. п. пестрятъ на многихъ страницахъ сборника.

Что это значить? Охарактеризуйте современность! было подсказано поэтамъ. И они не сговариваясь выпаливаютъ въ одно слово: грязь!

Теперь общій вопросъ: можетъ ли грязь быть предметомъ поэзін?

Нѣтъ такого въ которомъ не нашлось бы стороны достойной восхищенія. И грязь можно цѣнить (какъ лечебную хотя бы) и грязью можно любоваться.

Вспоминаетъ онъ старій стихъ.

Какъ ночь тиха! какъ звуки гулки!

И какъ волшебна эта грязь

Блеститъ въ дремучемъ переулкѣ,

При лунномъ свѣтѣ серебрясь.

Да, не слишкомъ ясно, что не въ этомъ настроеніи и не съ этой цѣлью живописуютъ грязь наши поэты. Она имъ противна до тошноты — грязь въ ихъ устахъ синонимъ всего отвратительнаго, ненавистнаго, надоѣвшаго до одурѣнія. Да и сами признаются нечаянно:

"Я ненавиждиці Современность" — рекомендуется одинъ.

Вѣдь стихи — это только рецензія — на жизнь "ругаются" — заявляютъ другой.

Что-же? Возможно, современная жизнь и не заслуживаетъ ничего, кромѣ ненависти и ругательства. И для этого существуютъ формы поэтической рѣчи хотя и не высокаго рода: всѣ виды бичующаго сарказма до грустной ироніи были къ услугамъ ненавидящихъ.

Пусть бы слово "грязь" зазвучало явно презрительно или негодующе. Такъ нѣтъ: не чувствуя субъективно никакого влеченія къ "грязи" они по долгу службы все таки "воспѣваютъ" ее. Въ результатѣ мучительный психологическій подрывъ въ страшномъ Гоголевскомъ "портретѣ" и встаетъ вѣчный вопросъ художника.

Или если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно не сочувствуя съ нимъ, онъ непременно предстанетъ только въ одной ужасной дѣйствительности не озаренной свѣтомъ какой-то непостижимой скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открываетъ тогда, когда желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность и видишь отвратительнаго человѣка? Почему простая низкая природа является у одного художника въ свѣтѣ и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнія: напротивъ какъ будто наслаждался и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ насъ? И почему та-же самая природа у другого художника кажется низкою грязною, а между прочимъ онъ также вѣренъ былъ природѣ. Но нѣтъ въ ней чего-то озаряющаго!!!

Грязь на лицѣ современности случайно, преходяща. Стоить явиться "чему-то озаряющему" и сейчас же видно, какъ быстро "грязное небо", какъ просыхаетъ земля.

Драконы тучь несутся мимо.
И легкой парь встаетъ вдали,
И запахъ копоти и дыма
Плыветъ отъ сохнувшей земли.

Въ такомъ свѣтѣ рисуется окружающее Петру Сторищину, онъ единственный изъ семерыхъ (не считая Серг. Третьякова), у кого "заплеванный и грязный полъ", "завшивѣвшая голова" и пр. появляется лишь въ стихотвореніи откровенно сатирическаго характера. Въ остальныхъ "наружныя крылья", "серебряный просторъ", "разукрашенный розовый авто", "лазоревый дельфинъ" и не это въ мчаніи, въ движеніи, въ стремленіи... куда?

"Въ туманъ зыбей заженныхъ золотомъ"...

Туда гдѣ

"Встаетъ жемчужная заря,
Дрожа межъ розовыми травами,
Поятъ хрустальными отравами
Меня прохладныя моря".

И эти прохладныя моря у него такъ недалеко отъ "южныхъ вратъ Одессы" отъ "столиковъ у Робина". Вѣрность мѣстному колориту ни мало не повредило общимъ достижениямъ поэта. Это вѣдь освящено Пушкинымъ.

Иду гулять ужъ благосклонный
Открыть Casino. Чашекъ звонь...
Но солнце южное... но море
Чего же вамъ болѣе, друзья.
Благословенныя края!

Кто знаетъ? Можетъ быть и остальнымъ путешественникамъ розоваго авто слѣдовало отсюда отправляться, чтобы очутиться въ облакахъ мечты, пусть еще туманной зыбкой, но уже зажженной золотомъ тайной влюбленности въ мѣръ, въ жизнь, во всю окружающую творчески преобразяемую дѣйствительность.

А. Горностаевъ.

ТЕКСТЫ ДЛЯ МЕЛОПОЭЗИИ.
ИЗЪ ИНТЕРМЕДИИ „МЕДАЛЬОНЪ АНТУАНЕТТЫ“.

Пѣсенка Антуанетты.

Сколь горлинокъ прїятежь зовь въ тѣни зеленой рощи,
Когда лежу среди цвѣтовъ въ тѣни зеленой рощи.
Ужели сердце не споеть мнѣ сладкой пасторали,
Когда заслышу шумъ шаговъ въ тѣни зеленой рощи?
Онъ къ намъ приходитъ изъ луговъ съ фарфоровою свирѣлью
Прелестнѣйшій изъ пастуховъ въ тѣни зеленой рощи.
Недаромъ выпалъ мнѣ вчера въ пасьянсѣ мальчикъ съ сердцемъ...
О какъ волнуешь ты, любовь, въ тѣни зеленой рощи!
Букетъ я бросила въ траву, букетъ изъ незабудокъ...
Какъ сладостна музыка словъ въ тѣни зеленой рощи!
О пойте, горлинки, любовь, цвѣты цвѣтите нѣжно —
Я съ пастухомъ среди цвѣтовъ въ тѣни зеленой рощи.

Эдуардъ Багрицкій.

* * *

Какъ краснокрылый мотылекъ,
Рожденный солнечнымъ восходомъ,
Лечу и знаю — путь далекъ
Къ твоимъ губамъ съ пьянящимъ медомъ.
Въ твою плѣнительную сѣть
Хочу попасть, узнать безсилъе,
У губъ томящихъ умереть,
Покрывъ ихъ красной, красной пылью...

Георгій Цагарели.

ГАЗЕЛЛА ЗАКОЛДОВАВШЕЙ МЕНЯ.

Кто вызвалъ насъ изъ мглы тѣней къ огнямъ страстей и горя,
Даль мнѣ узрѣть огонь очей во мглѣ страстей и горя?
Мой путь былъ торень, плыль туманъ и не мерцали зори,
Но я приблизили духъ свой къ ней во мглѣ страстей и горя.
Пусть плеть судьбы ударитъ въ насъ, пусть вѣтеръ свищетъ злобно, —
Мы встрѣтимся на склонѣ дней во мглѣ страстей и горя.
Я знаю — въ мрачномъ-ли аду иль въ свѣтлой райской кущѣ
Увидимъ мы потокъ лучей во мглѣ страстей и горя.

Петръ Сторицынъ.

Ахъ, наши бабушки любили...

Ахъ, наши бабушки любили,
Въ сердцахъ тая туманный страхъ,
На тройкѣ въ пѣнѣ снѣжной пыли
Скакать на взмыленныхъ коняхъ...

На Рождествѣ, когда уныло
Поетъ метель и стонетъ мгла,
Острили и смѣялись мило
Вокругъ накрытаго стола.

Расправивъ зыбкіе роброны,
Съ прозрачнымъ вѣромъ въ рукахъ,
Онѣ мечтали утомленно
О кавалерахъ въ парикахъ...

Смѣясь, гуляли на проспектѣ,
Творили скромные грѣхи
И на французскомъ діалектѣ
Писали нѣжные стихи.

Прикрывъ бобровой шубкой плечи,
Чтобъ ихъ не жалилъ холодъ злой,
На елкѣ зажигали свѣчи
Слегка дрожавшею рукой.

Любили томные сонеты
И снѣгъ на выгибахъ куртинъ,
И танцовали менуэты
Подъ звуки старыхъ клавишинъ.

Смѣялись радостно и звонко,
Когда подъ карточнымъ столомъ
Съ пунцовой ленточкой болонка
Дралась съ откормленнымъ котомъ.

Теперь бывое не воскреснетъ,
О васъ возмозжень лишь разскажъ,
И вотъ, заброшенныя пѣсни
Напоминаютъ намъ о васъ.

Петръ Сторицынъ.

МЕЛОПОЭЗИЯ.

Не прикасайся, я цвѣтокъ степной
Я макъ, что расцвѣтаетъ по курганамъ.
Я степь люблю подъ ясною луной,
Подъ серебристымъ тающимъ туманомъ.
Я такъ люблю душистый запахъ травъ,
И звонъ воздушный съ дальнихъ колоколенъ
А ты весь полнь таинственныхъ отравъ,
Ты городской тоскою боленъ.
Твой поцѣлуй на пальцахъ смуглыхъ рукъ

Зажегся и погасъ такой ненужный!...
И сердце шепчетъ мнѣ, что ты не другъ!
Съ тобой не звонокъ смѣхъ жемчужный.
Не прикасайся! я цвѣтокъ степной.
Ты алость лепестковъ сомнешъ руками...
Я макъ, расцвѣтшій раннею весной
Овѣянный несбыточными снами...

Гаяла Полуэктова.

У РОЯЛЯ.

Изъ цикла "Паутина"

Отчего мнѣ такъ грустно?.. Я любилъ Васъ когда-то
"Я любилъ Васъ когда-то" — повторяетъ рояль
И рыдаютъ аккорды: — "Все ушло безъ возврата"
"Все ушло безъ возврата въ безконечную даль".

* * *

И тоскующій вечеръ прилетѣлъ въ мою келью
Прилетѣлъ въ мою келью сквозь узоры гардинъ
И минорный рояль мой пусть расскажетъ веселью,
Пусть расскажетъ веселью, что я снова одинъ...

* * *

Ахъ! вернуться-бъ къ вамъ снова, съ тихой скорбью скитальца,
Съ тихой скорбью скитальца на колѣни упасть
Цѣловать Ваши губы, цѣловать Ваши пальцы,
Цѣловать Ваши пальцы, убаюкавши страсть.

* * *

И зачѣмъ мы столкнулись? чтобъ разстаться фатально.
Чтобъ разстаться фатально на завѣтномъ пути.
Потеряли другъ друга, потеряли печально,
Потеряли печально, чтобы вновь не найти.

* * *

И сегодня мнѣ грустно... Я любилъ Васъ когда-то...
Я любилъ Васъ когда-то... Мнѣ любви своей жаль.
Неужели навѣки? навсегда, безъ возврата?!
"Навсегда, безъ возврата — отвѣчаетъ рояль...

Георгій Долиновъ.

Предчувствіе.

Твой прудъ души давно оплаванъ
Моей пылающей мечтой
И только жадной страсти саванъ
Еще насъ держитъ надъ чертой.
Мой духъ, какъ чаши спящихъ лилій,
Надъ гладою дремлющихъ рѣчной
И тишь розмахъ сковала крылій
Копящихъ мощь во тьмѣ ночной.
Но скоро солнечное кало

Вонзитъ мнѣ въ грудь огонь лучей,
Чтобъ сердце снова задрожало,
Чтобъ вновь я въ мірѣ сталъ ничей.
И жизнь гоня впередъ поспѣшнѣй,
Окно для міра растворя,
Я брошу гимномъ сонъ нездѣшнѣй
На пыль земного алтара.

Григорій Владиміровъ.

...Стоитъ только вслушаться въ эти чудные стихи и сразу можно услышать часто повторяющуюся букву "Л" мягкую, ласкающую, являющуюся эмблемой лиризма и элегичности.

Я предлагаю вниманію читателя небольшое стихотвореніе написанное съ такимъ расчетомъ, что въ немъ нѣтъ ни одного слова безъ буквы "Л" и нѣтъ ни одного слова съ буквой "Р", которыя являются противоположностью другъ другу.

Георгій Долиновъ.

Юльскія элегія.

Блѣдно ласкаютъ лучи запоздалые
Ласково теплый, печальный июль...
Лѣта мелодіи блекло-усталыя...
Облачка то голубыя, то алыя
На небосклонѣ плывутъ, словно тюль...

* * *

Листья поблекшія! словно устали вы,
Словно измучились, истомлены.
Золотомъ желтымъ аллею устали вы
И только въ солнца лучахъ блѣдно палевы,
Словно въ ихъ отблескъ больной влюблены...

* * *

Ландыши въ полночь фіалку лелѣяли
Близко къ землѣ — колыбели склонясь.
Лунной любовью ихъ ласки овѣяли
И колыхаясь, волнуясь, хмѣлѣя-ли
Плакали ландыши, лѣту молясь...

* * *

Плачутъ о ландышахъ бѣлыя лиліи:
Лѣто минуло... Любовь солгала...
Слезы блестятъ въ лепесткахъ въ изобиліи.
Вяло поникли головки въ безсиліи,
Ало-элегія ихъ оплела...

* * *

Лѣто минуло... послѣднія жалобы
Шлютъ облетѣлые листья во мглѣ.
Лѣто хотѣло-бы, лѣто желало-бы
Долго лелѣять лиловыя жалобы
Лилій склоненныхъ къ усталой землѣ...

* * *

Вспомнил былое волшебю влюбленное,
Блеклых мелодій болъную печаль,
Вспомнил легенды любви отдаленныя,
Близко-далекія, зло-умиленные,
Тускло вилетенныя въ блѣдную даль.

* * *

Стало до боли тоскливо, мучительно
Жалко веселья и слезъ молодыхъ.
Въ лунную полночь волнуя томительно
Ласки любви были столь упоительны,
Пламенны въ скалахъ холодныхъ и злыхъ. —

* * *

Жалобно молятся волны гульливья
Скаламъ безмолвно-холодныхъ глыбинъ,
Глыбы не внемлютъ мольбамъ молчаливья
И уплываютъ влюбленно-тоскливья
Волны въ могилы молчальныхъ глубинъ...

Георгій Долиновъ.

У моря. (Сонетъ).

Пустынный берегъ... Ночь нѣмая
Въ истомѣ страстной замерла.
Молчить задумчиво скала
Рыданью волнъ сѣдыхъ внимая.
Брожу у моря сиротливо.
Тебя здѣсь нѣтъ... Я одинокъ...
Какъ опрокинутый челнокъ,
Разбитый волнами прилива...
Мы были здѣсь вдвоемъ когда-то,
Прибой рыдалъ у нашихъ ногъ...
Я не любить тебя не могъ
Въ тотъ часъ пьянящаго заката...
...Умчалось счастье безъ возврата.
Я снова здѣсь... Я изнемогъ...

Георгій Долиновъ.